

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
МГУ имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВИЗАНТИНИСТОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF WORLD HISTORY
LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY
FACULTY OF HISTORY
NATIONAL COMMITTEE OF BYZANTINE STUDIES
OF THE RUSSIAN FEDERATION

ВІЗАНТИЙСКИЙ
ВРЕМЕННОК

ΒΥΖΑΝΤΙΝΑ ΧΡΟΝΙΚΑ

Volume 103

2019

Editor-in-Chief
Sergey KARPOV

MOSCOW UNIVERSITY PRESS
2020

ВИЗАНТИЙСКИЙ
ВРЕМЕННОК
—
BYZANTINA ХРОНИКА

Том 103

2019

Ответственный редактор
академик РАН С.П. КАРПОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2019

УДК 94(100)«653»
ББК 63.3(0)4
В42

Рецензенты

доктор исторических наук А.В. ПОДОСИНОВ,
доктор исторических наук И.С. ФИЛИППОВ

Ежегодник основан

академиком Василием Григорьевичем ВАСИЛЬЕВСКИМ
в 1894 году

Византийский временник = BYZANTINA XRONIKA / Ин-т всеобщей истории РАН; исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова; Национальный комитет византинистов Российской Федерации. — Москва: Издательство Московского университета, 1894–. ISSN 0132–3776.

Т. 103: 2019 / Ред. С.П. Карпов. — 2020. — 376 с. : ил. — ISBN 978-5-19-011482-9.

В предлагаемом вниманию читателя очередном томе старейшего академического ежегодника представлены работы по различным проблемам истории и культуры Византии и сопредельных стран. Том открывается концептуальной статьей Н.И. Быстрицкого и П.В. Кузенкова, где представлен опыт применения методов формализации и анализа исторических сведений на примере конкретных событий византийской истории. Особенностью тома является большое внимание к проблемам истории Церкви: две статьи посвящены взаимоотношениям епископских кафедр позднеантичного времени, а еще одна — экуменическим процессам середины XIII в. В работе П.В. Ермилова затронута такая актуальная тема, как канонические споры конца XVI в. вокруг учреждения московского патриаршества. Другая группа работ объединена интересом авторов к истории русской византинистики: здесь следует особенно выделить совместную статью Я. Чехановец и Л.А. Беляева о судьбе коллекции древностей архим. Антонина (Капустина), возглавлявшего русскую духовную миссию в Палестине в конце XIX в., а также подготовленную В.Г. Ананьевым и М.Д. Бухариным публикацию архивных документов, связанных с именем выдающегося русского византиниста В.Н. Бенешевича, трагически погибшего в 1938 г.

Для специалистов и широкого круга читателей, интересующихся историей Византии и ее многовековых связей с окружающим миром.

ISBN 978-5-19-011482-9

© Институт всеобщей истории РАН, 2020

© Коллектив авторов, 2020

© Издательство Московского университета, 2020

СОСТАВ РЕДКОЛЛЕГИИ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Сергей Павлович КАРПОВ** (ответственный редактор) — академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Средних веков Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;
- Игорь Павлович МЕДВЕДЕВ** (зам. ответственного редактора) — академик РАН, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела всеобщей истории Санкт-Петербургского института истории РАН;
- Михаил Вадимович БИБИКОВ** (зам. ответственного редактора) — доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом истории Византии и восточно-христианской культуры Института всеобщей истории РАН (Москва);
- Леонид Андреевич БЕЛЯЕВ** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, заведующий отделом археологии Московской Руси Института археологии РАН (Москва), главный редактор журнала «Российская археология»;
- Вера Николаевна ЗАЛЕСКАЯ** — доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург);
- Галина Евгеньевна ЛЕБЕДЕВА** — доктор исторических наук, профессор кафедры истории Средних веков Института истории Санкт-Петербургского государственного университета;
- Кирилл Александрович МАКСИМОВИЧ** — доктор филологических наук, научный сотрудник Геттингенской Академии наук, проект «Исследование и издание источников византийского права» (Университет имени Иоганна Вольфганга Гёте, Франкфурт-на-Майне, ФРГ);
- Мargarита Адольфовна ПОЛЯКОВСКАЯ** — доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и Средних веков Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (Екатеринбург);
- Ольга Сигизмундовна ПОПОВА** — доктор искусствоведения, профессор кафедры всеобщей истории искусства исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;
- Владимир Валентинович СЕДОВ** — член-корреспондент РАН, доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН (Москва), заведующий кафедрой истории отечественного искусства исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;
- Борис Николаевич ФЛОРЯ** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом истории Средних веков Института славяноведения РАН (Москва);
- Рустам Мухаммадович ШУКУРОВ** — доктор исторических наук, доцент кафедры истории Средних веков исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;
- Алексей Михайлович КРЮКОВ** (ответственный секретарь) — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры древних языков исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

РАБОЧАЯ ГРУППА

Михаил Вячеславович Грацианский — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

Николай Игоревич Быстрицкий — научный сотрудник исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

Павел Владимирович Кузенков — кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Мишель Балар — заслуженный профессор университета Париж I — Пантеон-Сорбонна (Франция);

Антонио Кариле — заслуженный профессор Болонского университета (Италия);

Хриса Мальтезу — академик Афинской АН, профессор Афинского национального университета (Греция);

Петр Петрович Толочко — академик РАН и НАН Украины, доктор исторических наук, профессор, почетный директор Института археологии НАН Украины (Киев);

Ксения Владимировна Хвостова — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва);

Петер Шрайнер — академик Австрийской АН, заслуженный профессор Кёльнского университета (Германия);

Васил Гюзелев — академик Болгарской АН (София).

EDITORIAL BOARD

EDITORS

- Sergey KARPOV** (Editor-in-Chief) — Full Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History, Professor, Head of the Chair for Medieval History of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University;
- Igor MEDVEDEV** (Deputy Editor) — Full Member of the Russian Academy of Sciences, Professor, Doctor of History, Chief Researcher of St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences;
- Mikhail BIBIKOV** (Deputy Editor) — Prof. Habil., Doctor of History, Head of Department of Byzantine History and Eastern Christianity of Institute of World History of the Russian Academy of Sciences;
- Leonid BELYAEV** — Deputy Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History, Head of Moscow Rus Archeology Department of Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow), Editor-in-Chief of the journal “Rossyjskaja arkheologija” (= Russian Archaeology);
- Boris FLORYA** — Doctor of History, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Professor, Head of Department of History of Middle Ages of Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences;
- Galina LEBEDEVA** — Doctor of History, Professor of the Chair for Medieval History of the Faculty of History of Saint Petersburg State University;
- Kirill MAKSIMOVICH** — Doctor of Philology, Employee of the Göttingen Academy of Sciences and Humanities, Byzantine Legal Sources Research Center (The Goethe University of Frankfurt);
- Margarita POLYAKOVSKAYA** — Doctor of History, Professor of Department of History of Ancient World and Middle Ages of Institute of Humanities and Arts of Ural Federal University (Ekaterinburg);
- Olga POPOVA** — Doctor of Art Criticism, Professor of the Chair of General Art History of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University;
- Vladimir SEDOV** — Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Art Criticism, Leading Researcher of Archaeological Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow), Head of the Chair of Russian Art History of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University;
- Rustam SHUKUROV** — Doctor of History, Associate Professor of the Chair for Medieval History of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University;
- Vera ZALESSKAYA** — Doctor of Art Criticism, Leading Researcher of the State Hermitage (Saint Petersburg);
- Alexey KRYUKOV** (Editorial Secretary) — PhD, Assistant Professor of the Chair of Ancient Languages of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University.

EDITORIAL STAFF

- Mikhail GRATSIAANSKIY** — PhD, Leading Researcher of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University;
- Nikolay BYSTRITSKIY** — Researcher of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University;
- Pavel KUZENKOV** — PhD, Associate Professor of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University.

EDITORIAL ADVISORY BOARD

- Michel BALARD** — Professor Emeritus of Pantheon-Sorbonne University (Paris, France);
- Antonio CARILE** — Professor Emeritus of University of Bologna (Italy);
- Chryssa MALTEZOU** — Ordinary Member of the Academy of Athens, Professor of the National and Kapodistrian University of Athens (Greece);
- Petr TOLOCHKO** — Full Member of the Russian Academy of Sciences and the National Academy of Sciences of Ukraine, Doctor of History, professor, Honorary Director of Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of Ukraine (Kyiv);
- Xenia KHVOSTOVA** — Doctor of History, Chief Researcher of Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (Moscow);
- Peter SCHREINER** — Full Member of the Austrian Academy of Sciences, Professor Emeritus of the University of Cologne (Germany);
- Vasil GYUZELEV** — Full Member of the Bulgarian Academy of Sciences (Sofia).

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

- Н.И. Быстрицкий, П.В. Кузенков** (Москва)
Подходы к формированию и анализу свода данных по истории Византии 13
- И.Н. Попов** (Москва)
«Ономастикон» Евсевия Кесарийского и «Бурдигальский итинерарий» о святынях Иерусалима: особенности начального этапа развития христианской Святой Земли 32
- К.В. Норкин** (Москва)
Становление церковного первенства Арля в Галлии и римские папы (398–432 гг.) 53
- Е.В. Литовченко** (Белгород)
К вопросу о позднеантичной эпистографии: Павлин Ноланский и его адресаты 70
- М.В. Грацианский** (Москва)
Исторический и идейный контекст послания папы Геласия I «Famuli vestrae pietatis» 85
- С.В. Назин** (Москва)
Еще раз о склавенах и антах, Мурсианском озере и городе Новиетуне 113
- А.В. Майоров** (Санкт-Петербург)
Апостольский Престол, Никейская империя и Русь в экуменических процессах середины XIII в. 128
- П.В. Ермилов** (Москва)
Учреждение московского патриаршества и Константинопольские соборы 1590 и 1593 гг. 153
- К.Б. Образцова** (Москва)
Мозаики Ротонды в Фессалонике: Проблема стиля в раннехристианском искусстве 179
- А. Криза** (Кёльн)
Богоматерь «Знамение» и прение об опресноках 190
- Э.Н. Добрынина** (Москва)
Греческие рукописи «круга протоспафария Никиты» около 970 г. 205
- О.С. Попова** (Москва)
Греческое Четвероевангелие в Парижской Национальной библиотеке (Coislin gr. 21) 220
- Я. Чехановец** (Иерусалим), **Л.А. Беляев** (Москва)
Палестинский Музей Антонина Капустина: состояние исследований и перспективы изучения 228
- К.В. Федосеева** (Москва)
История Венеции и Византии в творчестве Н.П. Соколова (по материалам защиты его докторской диссертации и новым архивным источникам) 256

Публикации

- Е.В. Рыбакова** (Москва)
Иоанн Актуарий и византийская диетология 272
- В.Г. Ананьев** (Санкт-Петербург), **М.Д. Бухарин** (Москва)
«Все горе в звериной ненависти к византиноведению...»: В.Н. Бенешевич и Академия наук СССР в 1933–1937 гг. 314

Рецензии и аннотации

- В.Г. Ченцова** (Москва)
Holton D., Horrocks G., Janssen M., Lendari T., Manolessou I., Toufexis N. The Cambridge Grammar of Medieval and Early Modern Greek. Cambridge: Arts and Humanities Research Council; Cambridge University Press, 2019. Vol. 1: General Introduction and Phonology, p. i–clxx, 1–237; Vol. 2: Nominal Morphology, p. i–xxii, 239–1263; Vol. 3: Verb Morphology, p. i–xxi, 1265–1857; Vol. 4: Syntax, p. i–xv, 1859–2093 339
- А.В. Бармин** (Москва)
Trizio M. Il neoplatonismo di Eustrazio di Nicea. Bari: Edizioni di Pagina, 2016. 260 p. (Biblioteca filosofica di Quaestio, 23) 341
- А.М. Крюков** (Москва)
Евстратий Никейский. Опровержительные слова / Изд. подг. А.В. Бармин. — М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2016. — 312 с. с разд. пагин., указ. — (Б-ка сб-ка «Богословские труды».) ISBN 978-5-88017-564-2 344
- А.В. Захарова** (Москва)
Παπαθεοφάνους-Τσουρή Ε. Ευρετήριο των Βυζαντινών τοιχογραφίων της Ελλάδος. Ανατολική Μακεδονία. Δυτική Θράκη. Αθήνα: Ακαδημία Αθηνών, Κέντρο έρευνας της Βυζαντινής και Μεταβυζαντινής τέχνης, 2016; *Βοκοτόπουλος Π.Α., Δημητρακοπούλου Π., Ρηγάκου Δ., Τριανταφυλλόπουλος Δ.Δ., Χουλιαράς Ι.Π.* Ευρετήριο των Βυζαντινών τοιχογραφίων της Ελλάδος. Ιόνια νησιά. Αθήνα: Ακαδημία Αθηνών, Κέντρο έρευνας της Βυζαντινής και Μεταβυζαντινής τέχνης, 2018. 347
- Л.Г. Хрушкова** (Москва)
Iamanidzé Nina. Saints cavaliers. Culte et images en Géorgie aux IVe–XIe siècles. Wiesbaden: Reichert Verlag, 2016. 188 p. Ил.: 80 ч/б рис. + 16 цв. табл. (Spätantike — Frühes Christentum — Byzanz. Kunst im ersten Jahrtausend. Reihe B: Studien und Perspektiven, Bd. 42). ISBN 978-3-95490-114-2 351
- Л.А. Беляев** (Москва)
Виноградов А.Ю., Захарова А.В., Черноглазов Д.А. Храм Святой Софии Константинопольской в свете византийских источников. — СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2018. — 486 с.: ил. 354
- С.П. Щавелёв** (Курск)
Кызласова И.Л. Академик Н.П. Кондаков: поиски и свершения. — СПб.: Алетейя, 2018. — 582 с. (Серия «Новая византийская библиотека. Исследования».) ISBN 978-5-906910-20-2 356
- Список сокращений 359

CONTENTS

Articles

Nikolay BYSTRITSKIY, Pavel KUZENKOV (Moscow) Suggested Approaches to the Acquisition and Analysis of Data for the Byzantine History	13
Ilya POPOV (Moscow) Onomasticon by Eusebius of Caesarea and Itinerarium Burdigalense on the Holy Places of Jerusalem: Some Special Features of the Initial Fase of Development of the Christian Holy Land	32
Konstantin NORKIN (Moscow) The Formation of the Ecclesiastical Primacy of Arles in Gaul and the Popes of Rome in 398–432	53
Elena LITOVCHENKO (Belgorod) Late Antique Epistolography Revisited: Paulinus of Nola and His Addressees	70
Mikhail GRATSIANSKIY (Moscow) The Historical and Ideological Context of the Epistle of Pope Gelasius I “Famuli vestrae pietatis”	85
Sergey NAZIN (Moscow) Slaveni and Antes, Lacus Mursianus and civitas Novietunensis Revisited	113
Alexander MAIOROV (St. Petersburg) Apostolic See, Empire of Nicaea and Rus’ in the Ecumenical Processes of the mid-13 th Century	128
Pavel ERMILOV (Moscow) Establishment of the Moscow Patriarchate and the Councils of Constantinople in 1590 and 1593	153
Ksenia OBRAZTSOVA (Moscow) The Mosaics of the Rotunda in Thessaloniki: The Problems of Style in the Early Christian Art	179
Ágnes KRIZA (Cologne) The Znamenie-Platytera image of the Theotokos and the azymes controversy	190
Elina DOBRYNINA (Moscow) Greek Manuscripts from the “Circle of Protospatharios Niketas” circa 970 AD	205
Olga POPOVA (Moscow) The Greek Four Gospels at the National Library of France (Coislin gr. 21)	220
Yana TCHEKHANOVETS (Jerusalem), Leonid BELYAEV (Moscow) The Palestinian Museum of Antonin Kapustin: Current State and Perspectives of Research	228
Kseniia FEDOSEEVA (Moscow) History of Venice and Byzantium in the Academic Work of N.P. Sokolov (According to the Materials of His Doctoral Dissertation and New Archival Sources)	256

Publications

- Ekaterina RYBAKOVA** (Moscow)
John Actuarios and Byzantine dietology 272
- Vitaly ANANIEV** (St. Petersburg), **Mikhail BUKHARIN** (Moscow)
“The Reason is Savage Hatred against the Study of Byzantium...”: V.N. Beneshevich
and the Academy of Sciences of the USSR in 1933–37 314

Book Reviews

- Vera CHENTSOVA** (Moscow)
HOLTON, D., HORROCKS, G., JANSSEN, M., LENDARI, T., MANOLESSOU, I., and TOUFEXIS,
N. *The Cambridge Grammar of Medieval and Early Modern Greek*. Cambridge: Arts
and Humanities Research Council; Cambridge University Press, 2019. Vol. 1: General
Introduction and Phonology, p. i–clxx, 1–237; Vol. 2: Nominal Morphology, p.
i–xxii, 239–1263; Vol. 3: Verb Morphology, p. i–xxi, 1265–1857; Vol. 4: Syntax, p. i–xv,
1859–2093 339
- Alexey BARMIN** (Moscow)
TRIZIO M. *Il neoplatonismo di Eustrazio di Nicea*. Bari: Edizioni di Pagina, 2016. 260 p.
(Biblioteca filosofica di Quaestio, 23) 341
- Alexey KRYUKOV** (Moscow)
Eustratius of Nicea. *Oproverzhitelnye slova*. Ed. by A.V. Barmin. Moscow: Publishing
house of the Moscow Patriarchate, 2016. LXIV + 244 p. (Bibliotheca sbornika “Bog-
goslovskiy trudy”). ISBN 978-5-88017-564-2 344
- Anna ZAKHAROVA** (Moscow)
PAPATHEOPHANOUS-TSOUREË, E. *Ευρετήριο των Βυζαντινών τοιχογραφιών της Ελλάδος.
Ανατολική Μακεδονία. Δυτική Θράκη*. Athens: Ακαδημία Αθηνών, Κέντρο έρευνας της
Βυζαντινής και Μεταβυζαντινής τέχνης, 2016; BOKOTOPOULOS, P.L., DĒMĒTRAKOPOU-
LOS, P.L., DĒMĒTRAKOPOULOU, P., RÉGAKOU, D., TRIANTAPHYLLOPOULOS, D.D., AND
KHOULIARAS, I.P. *Ευρετήριο των Βυζαντινών τοιχογραφιών της Ελλάδος. Ιόνια νησιά*.
Athens: Ακαδημία Αθηνών, Κέντρο έρευνας της Βυζαντινής και Μεταβυζαντινής
τέχνης, 2018. 347
- Liudmila KHRUSHKOVA** (Moscow)
IAMANIDZÉ, Nina. *Saints cavaliers. Culte et images en Géorgie aux IVe–XIe siècles*. Wies-
baden: Reichert Verlag, 2016. 188 p., 16 p. of plates: ill. (some color). (Spätantike —
Frühes Christentum — Byzanz. Kunst im ersten Jahrtausend. Reihe B: Studien und Per-
spektiven, Bd. 42.) ISBN 978-3-95490-114-2 350
- Leonid BELYAEV** (Moscow)
VINOGRADOV, Andrey, ZAKHAROVA, Anna, and CHERNOGLAZOV, Dmitriy. *The Church of
Hagia Sophia in Constantinople in the Light of the Byzantine Sources* [in Russian]. St. Pe-
tersburg: “Pushkinskiy dom” publishers, 2018. 486 p.: ill. 354
- Sergei SCHAVELEV** (Kursk)
KYZLASOVA, Irina. *Akademik N.P. Kondakov: poiski i sversheniya*. St. Petersburg:
Aletheia, 2018. 582 p. (Novaya visantiyskaya biblioteka. Issledovaniya.) ISBN 978-5-
906910-20-2 356
- List of Abbreviations 359

В.Г. Ананьев, М.Д. Бухарин

**«ВСЕ ГОРЕ В ЗВЕРИНОЙ НЕНАВИСТИ
К ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЮ...»:**

В.Н. БЕНЕШЕВИЧ И АКАДЕМИЯ НАУК СССР В 1933–1937 гг.*

Аннотация: В.Н. Бенешевич — трагическая фигура в истории российской науки. Ученый-византинист мирового уровня многократно подвергался репрессиям в 20-е — 30-е годы XX в. и фактически был лишен возможности реализовать свои планы по развитию византиноведения в СССР. После освобождения из очередного заключения в 1933 г. Бенешевич пытается вернуться к научной деятельности, разрабатывает планы развития византиноведения в СССР, стремится приспособить их к доминирующему научно-политическому курсу, понимая, что лишь путем гибкости в отношениях с государством при соблюдении главных принципов научной деятельности можно было сберечь византиноведение в СССР. Бенешевич неоднократно обращался к руководителям советской академической науки — В.П. Волгину и Н.П. Горбунову, апеллировал к Общему собранию АН СССР, искал поддержки у коллег по академии, и не только среди гуманитариев — Д.М. Петрушевского, но и у В.И. Вернадского. Однако, как показывают документы, публикуемые ниже, он не нашел понимания, а сочувствовавшие ему коллеги не могли ему помочь. Личная судьба В.Н. Бенешевича во многом отразила судьбы всего византиноведения предвоенной поры.

Ключевые слова: византиноведение, В.Н. Бенешевич, история науки, письма.

Исторические науки находились на особом положении в СССР: они были призваны обеспечить основание для идеологических схем, господствовавших в стране. В этой связи попадание в унисон, пусть и до определенной степени случайное — как с «открытием революции рабов» С.А. Жебелёвым — могло вывести ученого на самую вершину признания со стороны государства, наличие же расхождений с доминировавшим курсом — мнимых или реальных — было чревато совершенным уничтожением. В данной статье на основании материалов из архивов Москвы и Санкт-Петербурга, прежде не привлекавших внимания исследователей, мы постараемся осветить один из трагических эпизодов истории российской науки — попытки В.Н. Бенешевича сформулировать положительную программу восстановления в правах советского византиноведения и его взаимоотношения с АН СССР в последние годы жизни.

В истории отечественной академической науки, равно как и, вероятно, в судьбе самого В.Н. Бенешевича, 1928 г. явился рубежным. Майские выборы 1927 г.

* Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 18–18–00367 «Всеобщая история в системе советской науки, культуры и образования в 1917–1947 гг.»

в академию показали сохранение значительной автономии АН СССР по принципиальным вопросам: определение критериев соответствия высокому званию действительного члена АН, обсуждение конкретных персоналий в данном контексте в последний раз в советской истории протекало без нажима со стороны государственного аппарата. Однако уже следующие выборы (сентябрь 1928 — февраль 1929 гг.) ознаменовались громкими «делами» — академиком С.А. Жебелёва¹ и С.Ф. Платонова². Академик П.К. Коковцов, в записке, составленной непосредственно после или даже в процессе этих выборов, утверждал, что представителями государственных органов поименно назывались те академики, которые, в случае провала кого-то из «кандидатов-коммунистов», будут немедленно исключены властью из АН СССР³. Один из поименованных, академик С.А. Жебелёв, так писал обо всем происходящем своей многолетней коллеге и близкому товарищу М.И. Максимовой:

В Академии — избирательная компания во всю. Подробности узнаете по приезде — они очень поучительны и интересны <...> Теперь занимаюсь докладом в память Ф.И. Успенского, чувствовать которого в Академии Наук предполагают 28 октября. Его кандидат — Бенешевич — снят с очереди без рассмотрения. А за выступление в пользу Гриши⁴, лучше сказать, в связи с ним, я чуть было не приведен председателем (Марром) к порядку. Вообще дела, дела!⁵

В этой связи следует процитировать документ, который мог сыграть важную роль в решение судьбы Бенешевича на выборах в АН СССР в 1928 г. Речь идет об анонимном отзыве представителей Казанского Восточного педагогического института, сохранившемся в фонде академика В.И. Вернадского наряду с представлением Ф.И. Успенского, выдвигавшего Бенешевича в академики⁶:

Бенешевич известен как специалист в области изучения Византийского церковного права, давший в ряде своих работ анализ источников и памятников этого права; ему же принадлежит составление ряда очерков и общая редакция издания по истории Византии, ценного как введение для приступающих к изучению этой дисциплины. Все же все эти работы не только не ставят Бенешевича в ряды тех ученых, в которых нуждается Академия наук СССР, но вследствие очень ограниченного круга его интересов, делаем его лишь одним из рядовых византинистов.

Общественно-политическая деятельность Бенешевича протекала по линии активной защиты церковности, для чего он в свое время выступал с рядом статей в органах церковно-монархического направления и на церковном соборе 1918 г.

Все это является достаточным основанием, в силу которого Восточный Педагогический Институт не находит возможным поддерживать кандидатуру Бенешевича в члены Академии Наук СССР.

¹ Тункина И.В. «Дело» академика С.А. Жебелёва // Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России: Альманах. Вып. 2. СПб., 2000. С. 116–161.

² Академическое дело 1929–1931 гг.: документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1: Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб., 1993.

³ Коковцов П.К. Для установления истины // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 1. СПб., 1993. С. 151–156.

⁴ Имеется в виду Григорий Филимонович Церетели (1870–1938) — филолог-классик, папиролог, член-корреспондент РАН (1917), которого Жебелёв выдвигал в академики.

⁵ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 151. Л. 38 об.–39 об. (Далее: СПбФ АРАН).

⁶ См.: Медведев И.П. Научное творчество В.Н. Бенешевича в оценке Ф.И. Успенского // Деятели русской науки XIX–XX веков. Т. 2. СПб., 2001. С. 155–172.

Как видно, уже в конце 20-х гг. XX в. не только общественная позиция, но и тематика исследований Бенешевича рассматривалась в определенных академических кругах как не отвечающие запросам современности. Не могла измениться ситуация и в 30-е годы, когда история академической науки была богата репрессиями, в ходе которых государство решало свои задачи: «дело академика Лузина»⁸ в определенной степени продолжило дело академика Жебелёва, когда в вину ученому был поставлен факт публикации в зарубежном издании, относительно позитивные оценки ученых-эмигрантов и негативные — в отношении первых послереволюционных лет.

Среди академических «дел» судьба Владимира Николаевича Бенешевича (1874–1938), авторитетного специалиста по истории церковного права, византиста и палеографа, стоит особняком. С одной стороны, он был одним из многих не просто пострадавших, но и, в конце концов, физически уничтоженных — расстрелянных — представителей академической науки в СССР. С другой стороны, длительность репрессий — арест, тюремное заключение, изнуряющие условия жизни после освобождения, унижения, безуспешные попытки вернуться в науку и вернуть саму науку в общественную жизнь страны, затем новый арест и гибель — заняли долгие 10 лет. Эти обстоятельства при исключительном месте, которое Бенешевич занимал в европейской науке и трагической судьбе самой научной дисциплины, которую он представлял, ставят его на особое место. Истреблена была и семья Бенешевича: сыновья Дмитрий и Георгий Владимировичи (род. 1911) расстреляны 6 октября 1937 г. и 5 января 1938 г., сам он — 27 января 1938, его брат Дмитрий Николаевич (род. 1877) — 2 апреля 1938 г. Супруга — Людмила Фаддеевна (1888–1967) осталась жива, но и она подверглась репрессиям по академическому делу в 1931 г.

Фигура В.Н. Бенешевича привлекала пристальное и стабильное внимание ученых на протяжении последних нескольких десятилетий. Одним из первых к последовательному изучению его научного наследия и обстоятельств биографии, определению места его трудов в современной историографии обратился Я.Н. Щапов⁹. Кропотливые архивные изыскания И.П. Медведева позволили восстановить основные вехи судьбы ученого в контексте трагических событий становления тоталитарного государства советского образца и реконструировать его нереализованные научные планы¹⁰. Л.А. Герд и А. Николов наметили такое важное направление в исследовании деятельности Бенешевича, всегда отличавше-

⁷ На листе карандашом проставлен номер 133.

⁸ *Валькова О.А.* Язык фундаментальной науки в России // Российская академия наук: 275 лет служения России. М., 1999. С. 322–346.

⁹ *Щапов Я.Н.* Сборники византийского права в исследованиях и изданиях проф. В. Бенешевича // Кlio. 1979. Т. 61. Вып. 1. С. 235–242; *Он же.* Из истории советской исторической науки (профессор В.Н. Бенешевич в репрессивной системе конца 1920–1930-х гг.) // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII вв. Тезисы докладов и сообщений первых чтений, посвященных памяти А.А. Зимина. Москва, 13–18 мая. Вып. 2. М., 1990. С. 306–309; *Он же.* Полный текст «Автобиографии» В.Н. Бенешевича // ВВ. 2005. Т. 64. С. 335–342.

¹⁰ *Медведев И.П.* В.Н. Бенешевич: судьба ученого, судьба архива // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С. 339–380; *Он же.* Неопубликованные материалы В.Н. Бенешевича по истории византиноведения // Рукописное наследие русских византистов в архивах

гося широким охватом научных связей, как его контакты с зарубежными коллегами¹¹. В работах Т.В. Чумаковой были проанализированы материалы архива ученого, связанные с его активной деятельностью в области церковного строительства первой четверти XX в. (автокефалия грузинской церкви, обновленческое движение и проч.)¹². При этом, конечно же, следует отметить, что далеко не все документы, значимые для данной темы, введены в научный оборот, и в этой связи имеющаяся картина страдает определенной неполнотой. Так, не может считаться исчерпанной история отношений Бенешевича с Академией наук СССР, которую он сам представлял в ранге члена-корреспондента (с 1924 г. — выдвинут В.П. Бузескулом, И.Ю. Крачковским, Н.Я. Марром и Ф.И. Успенским)¹³.

Арестам В.Н. Бенешевич подвергался неоднократно и до начала «академических дел»: в 1922, 1924 гг., не в последнюю очередь в связи со своими тесными контактами с церковными кругами¹⁴. В ноябре 1928 г. он был снова арестован по стандартному обвинению в шпионаже, осужден и приговорен к каторжным работам в СЛОН. Как предполагает И.В. Тункина, это было сделано для того, чтобы не допустить его к участию в академических выборах и ликвидировать опасного для кандидатов-коммунистов конкурента¹⁵. По месту отбытия приговора в 1930 г. вместе с братом Дмитрием и супругой он был привлечен к делу академика Платонова и отправлен на пять лет в Ухта-Печерский лагерь. Во время многочисленных обысков в значительной степени были уничтожены результаты его многолетней научной деятельности по сбору копий рукописей и их описанию. По ходатайству В.Д. Бонч-Бруевича Бенешевич был досрочно освобожден в 1933 г., в 1934 — получил место хранителя в Государственной публичной библиотеке и преподавателя в Ленинградском государственном университете. 27 ноября 1937 г. Бенешевич был снова арестован и в итоге приговорен к расстрелу.

Эта событийная канва общеизвестна¹⁶, однако привлечение новых архивных материалов позволяет уточнить конкретные обстоятельства трагического этапа в жизни ученого и — через них — лучше понять обстоятельства бытования в дан-

---

Санкт-Петербурга. СПб., 1999. С. 574–611; *Он же*. Петербургское византиноведение. Страницы истории. СПб., 2006 и др.

¹¹ *Герд Л.А., Николов А.* «Надо работать для будущего»: переписка В.Н. Бенешевича с организаторами IV Международного конгресса византийских исследований в Софии // Византийские очерки / Труды российских ученых к XXII Международному конгрессу византинистов. СПб., 2011. С. 67–99; *Они же*. О проекте участия В.Н. Бенешевича в Софийском конгрессе византинистов 1934 г. // Российское византиноведение. Традиции и перспективы: Тезисы докладов XIX Всероссийской научной сессии византинистов. Москва 27–29 января 2011. М., 2011. С. 68–71.

¹² *Чумакова Т.В.* Религиозная жизнь в революционной России (по материалам архива В.Н. Бенешевича) // *Folia Petropolitana*. 2017. Вып. 6. С. 57–70; *Она же*. Владимир Бенешевич о церкви и революции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 33. № 4. С. 414–424; *Она же*. Документы по истории обновленческого движения в архиве В.Н. Бенешевича // Труды Государственного музея истории религии. Вып. 18. СПб., 2018. С. 187–194.

¹³ *Успенский Ф.И., Бузескул В.П., Крачковский И.Ю., Марр Н.Я.* Записка об ученых трудах В.Н. Бенешевича // Известия РАН. 1924. № 12–18. С. 536–538.

¹⁴ *Щапов Я.Н.* Из истории советской исторической науки... С. 306–309; *Чумакова Т.В.* Документы по истории... С. 187.

¹⁵ *Тункина И.В.* Отзыв С.А. Жебелёва о Д.В. Айналове // Церковная археология: Материалы первой Всероссийской конференции. Псков, 20–24 ноября 1995 г. Ч. 3: Памятники церковной археологии России. СПб.; Псков, 1995. С. 67–73.

¹⁶ См., напр.: *Щапов Я.Н.* Из истории советской исторической науки... С. 306–309.

ный период той научной дисциплины, которой он посвятил значительную часть своей жизни — византиноведения.

Как справедливо отмечает Т.В. Чумакова, «Закон для него (Бенешевича — В.А., М.Б.) был превыше всего — превыше политических интересов или собственной идеологии»¹⁷. Чувствуя несправедливость, нарушение законности Бенешевич был полон решимости бороться за то, что казалось ему справедливым и верным — восстановление своего честного имени, своего места в науке и места византиноведения в научной структуре советского государства. Оказываясь на свободе после очередного ареста и урезания в правах, ученый апеллировал к своей (академической) корпорации в надежде вновь получить возможность работать и заниматься любимым делом.

В недавней историографии уже обращалось внимания на то, как в период между двумя последними арестами Бенешевич пытался повлиять на институциональную судьбу византиноведения в СССР¹⁸. В.В. Сашановым были опубликованы материалы, демонстрирующие, какие именно шаги практического характера Бенешевич считал необходимыми для восстановления былой славы отечественной науки о Византии (подготовка профессиональных кадров, библиографирование литературы, создание специального печатного органа и т. д.)¹⁹.

Публикуемые ниже письма Бенешевича президенту Академии наук СССР В.Л. Комарову, ученому секретарю АН СССР В.П. Волгину, а также академикам В.И. Вернадскому и Д.М. Петрушевскому значительно дополняют уже введенные в научный оборот материалы и позволяют не только лучше понять обстоятельства, в которых оказался ученый в 30-е гг. XX в., но и увидеть, как сохранение верности собственным научным принципам и тематике исследований требовали обращения к сложным риторическим приемам, позволяющим примирить их с дискурсивными полями современной ему действительности.

Публикуемые материалы интересны не только на уровне фактологии, но и на уровне риторики текстов. Бенешевичу приходилось апеллировать здесь не только к собственному научному авторитету, но и пытаться доказать релевантность византиноведческих исследований для актуальной ситуации советского государства. Он явно следовал в русле рассуждений С.Ф. Ольденбурга, представленных в апреле 1931 г. на I Всесоюзной конференции по планированию научно-исследовательской работы. Выступая перед собравшимися, Ольденбург тогда отметил необходимость для ученых гуманитариев «переключения <...> на новую методологию», которая предполагала, «что изучение современности приводит нас к гораздо большим результатам, чем старые методы, что научность — именно в изучении современности»²⁰. Бенешевич пытается доказать эту современность византиноведения и поиск таких доказательств становится одним из интереснейших аспектов его писем влиятельному администратору «новой волны» В.П. Волгину.

¹⁷ Чумакова Т.В. Владимир Бенешевич... С. 415.

¹⁸ Сашанов В.В. В.Н. Бенешевич и его проекты возрождения отечественного византиноведения в 1930-е гг. // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2017. № 4 (16). С. 288–293.

¹⁹ Там же.

²⁰ I Всесоюзная конференция по планированию научно-исследовательской работы. 6–11 апреля 1931 г. Стенографический отчет. М.; Л., 1931. С. 70.

Любопытно отметить, что примерно в то же самое время аналогичным путем двигался и другой видный византинист с дореволюционным прошлым, специалист по византийскому искусству Ф.И. Шмит. В его архиве сохранился датированный 24 декабря 1931 г. текст под названием «Пореволюционное византиноведение», в котором автор, рассмотрев исторические корни византиноведения и охарактеризовав его развитие за рубежом, предлагал «несколько оргвыводов», по сути своей достаточно близких тому образу «советского византиноведения», который намечается и в письмах Бенешевича. Приведем обширную цитату из этой суммирующей части:

1) Как бы отрицательно мы ни относились к теории заимствований, или вернее: именно потому, что империалистическая теория заимствований для нас столь же неприемлема, как и националистические теории абсолютной самобытности исторического развития каждого отдельного народа, мы должны вновь заняться вопросами византиноведения; 2) объектом изучения нашего византиноведения должны быть феномены истории феодального по содержанию, национального по форме восточного средневековья, взятого как комплекс, как единство множества не только классовых, но и международных противоречий; 3) при создании нашего византиноведения мы должны использовать, в меру наших потребностей, громадную работу, проделанную и проделываемую западно-европейскою и американскою наукою, ибо нет никакого смысла вновь делать то, что сделано технически удовлетворительно, а иногда блестяще; 4) однако, наше византиноведение на первый план должно выдвинуть вопросы «внутренней» истории, т. е. вопросы материального производства и производственных отношений, в пределах не одного какого-либо государственного образования или одного какого-либо народа, а в пределах всей восточной («византийской») Европы, т. е. широко использовать сравнительный метод изучения и тщательно прослеживать по всем доступным данным (в том числе и надстроечным) все пути культурного взаимодействия и обмена; 5) наше византиноведение должно привлечь, собрать и использовать в гораздо большей мере, чем это делалось и делается на Западе, вещественный («археологический») материал — не только парадный, церковный, и не только художественный, но и, прежде всего, массовый, бытовой, т. е. должно освободиться от того архивно-филологического однобокого подхода к Византии, который немало содействовал извращению дореволюционного византиноведения: «византийскую» историю делали не цари, издававшие законы, и не монахи, писавшие летописи и богословские трактаты, а массы трудящихся, непрерывно ломавших и государственных, и социальные формы, и официальные идеологии²¹.

Как известно, и этот проект развития «нашего византиноведения» не был реализован, а судьба самого Ф.И. Шмита сложилась немногим менее трагично, чем судьба В.Н. Бенешевича.

Ниже публикуется 16 документов: четыре письма В.Н. Бенешевича В.И. Вернадскому, четыре — В.П. Волгину, два — В.Л. Комарову, одно — Вернадскому и Комарову, четыре — Д.М. Петрушевскому, одно — в Общее собрание АН СССР. Сокращения в тексте раскрыты.

²¹ Отдел рукописей Научного архива Института истории материальной культуры РАН. Ф. 55. Оп. 1. Д. 39. Л. 16–17.

№ 1

В.Н. Бенешевич — В.И. Вернадскому

Автограф, чернила²²

Глубокоуважаемый Владимир Иванович,

Завтра еду в Кемь уже наверное. Вчера просматривал журналы и приходил в состояние крайней подавленности от громадности производимой работы и невозможности принять в ней активное участие. Все-таки над переработкой словаря Дюканжа²³ и над историей источников греко-римского права и его связями со славянскими и восточными не трудится никто. Вот где бы я поработал!

Сын Митя мечтал поехать на 2–3 месяца куда-нибудь в экспедицию, в самые дальние места, в геолого-разведочную партию коллектором, с половины июня, так как срок паспорта по 8. VI. Не услышите ли о подходящем месте?

Наталье Егоровне²⁴ прошу передать мой сердечный привет! Благодаря Вам и Наталье Егоровне я почувствовал в себе силы дальше жить с надеждой, еще поработать для науки.

Искренне преданный Вам

Ваш В. Бенешевич.

30/III. 33.

Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 123. Л. 3.

№ 2

В.Н. Бенешевич — В.П. Волгину

На бланке Списка наград, испрашиваемой по ИМПЕРАТОРСКОЙ Археологической комиссии.

Автограф. Зеленые чернила. Красным карандашом поверх текста: Не послано.

20.11.1933.

Глубокоуважаемый Вячеслав Петрович,

В дополнение к разговору о моем крайне ненормальном и тяжелом положении хочется мне добавить, что работа по договору на определенную тему меня не устроила бы, т. к. не приспособлен я и мои темы к выполнению по часам: приходится уклоняться для подсобных исследований, иногда очень сложных, а когда был помоложе, то вынужден был ради одной темы заняться изучением грузинского, армянского и сирийского языков. Никогда я не работал для заработка и теперь не умею: вот, напр., на византийскую агротехнику по договору с ИИНТИ

²² Уровень сохранности оригинала крайне низкий. Читается с большими затруднениями. Часть письма занимает чернильное пятно, скрывающее текст.

²³ Одно из направлений работы Русско-византийской комиссии РАН с 1923 г. Бенешевич не только принимал активное участие в ее деятельности, но и с 1924 г. был товарищем председателя ее бюро. Со смертью председателя, академика Ф.И. Успенского, и арестом самого Бенешевича осенью 1928 г., комиссия фактически прекратила работу. См.: *Барынина О.А.* Отечественное византиноведение на рубеже эпох: Русско-византийская комиссия (1918–1930 гг.). СПб., 2010.

²⁴ Супруга В.И. Вернадского.

потратил уже много времени²⁵, а и пятака не выработал. И другое обстоятельство заставляет стремиться к постоянному месту: необходимость почувствовать себя полноправным гражданином после всех незаслуженных унижений и варварского разгрома моей семьи и работы. Эту необходимость чувствую потому, что еще могу много поработать на пользу науки и хочу это сделать для СССР, но для этого надо создать хоть самые элементарные условия работы, а я теперь живу в крайне неприглядной обстановке на средства сына и брата в одной комнате с ними.

Все-таки я думаю, что наступило время восстановить в АН византиноведение, где русским принадлежало одно из почетнейших мест и даже инициатива, как раз в изучении т. н. внутренней истории Византии. Восстановить Византийский Временник, продолжить собрание трудов Васильевского, приступить к собранию трудов Ф.И. Успенского по истории византийско-славянских земельных отношений. Это сразу повернуло бы всю работу в такое положение, исходя из которого возможно все и восстановить и развить с новой силой. Конечно, программа Византийского Временника должна коренным образом измениться; я еще в 1928 г. письменно предложил академику Успенскому новую программу; он ее одобрил и хотел представить в АН, но смерть помешала. Основная мысль программы заключалась в том, чтобы выдвинуть изучение тех сторон византийской истории, которые важны для нашей современности; а особенная для нас научная ценность возобновления византийских штудий указывалась в их значении для назревшей перестройки древней русской и южно-славянской истории и для освобождения ее от ряда предрассудков и предвзятых мнений, навеянных определенной политической идеологией.

Мое участие в этом деле было бы очень полезно для придания ему веса в глазах западно-европейского ученого мира.

Боюсь, что еще нельзя будет теперь возбудить вопрос о Византии, когда один пишет об археологии на службе²⁶ <...>

СПбФ АРАН. Ф. 192. Оп. 2. Д. 3. Л. 1–1 об.

© Санкт-петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН)

№ 3

В.Н. Бенешевич — В.П. Волгину

На обороте корректуры текста на грузинском языке.

Автограф. Зеленые чернила.

Двойная правка: зелеными чернилами и простым карандашом.

05.12.33 г.

Глубокоуважаемый Вячеслав Петрович,

Согласно Вашим указаниям, ввиду трудности увидеть Вас лично, обращаюсь к Вам письменно по предмету нашего последнего разговора. Пришла новая книжка *Byzantinische Zeitschrift* за 1933 г. и заставляет²⁷ меня вернуться к вопросу об

²⁵ О работе Бенешевича на тему «Из истории византийской агротехники» по договору с Институтом истории науки и техники АН СССР см.: *Медведев И.П.* В.Н. Бенешевич: судьба ученого... С. 362.

²⁶ Явно имеется в виду работа: *Худяков М.Г.* Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов. Л., 1933.

²⁷ Изначально в тексте значилось «заставила». Окончание слова -ила зачеркнуто, вставлено -ляет.

основном источнике не только моих личных злключенияй, но к печальному положению в той научной области, где русские ученые, во главе с АН занимали раньше почетное место, а теперь занимают его вне общения с АН. Все горе в звериной ненависти к византиноведению за то, что оно-де опора православия, а еще вернее из-за того, что люди не имеют одни ясного, другие никакого представления о предмете своей ненависти. Позор нам оставаться на задворках или вскакивать на подножку, когда мы можем спокойно идти вровень с Европой и должны сами разрабатывать основы своей истории, а не смотреть на нее через чужие очки. Звериная, без смысла ненависть к византиноведению должна быть искоренена возможно скорее, и ее должно заменить настоящее представление о значении Византии в истории культуры народов СССР особенно притом в интересах освещения вопросов современности. Залог успеха византиноведения за границей как раз и лежит в тесной связи его с запросами современной научной жизни Запада²⁸. Там давно уже всем ясно, что интерес этих трудов вовсе не исчерпывает ни богословие, не церковная история, ни церковное искусство, когда к услугам исследователей широкое поле работы в областях экономики, публицистики (в широком смысле), языкознания, географии, этнографии, техники, математики, медицины и др. А у нас путаница царит даже в головах даже выдающихся деятелей науки. Пора хоть по примеру Запада увидеть, что не вероисповедальная пропаганда и не работа о проливах вызвали широкое развитие византийских штудий. Но ничего не пойдет у нас толком, если не будет элементарная организации дела:

работа по изучению Византии: необходимо или сразу возобновить Византийский Временник или другой печатный орган на новых началах, или создать особую группу для указанной цели.

Дело это не легкое²⁹, но необходимое, и потому что считаю долгом выступить за него перед Вами тем более³⁰, что АН имеет возможность организовывать группы по специальным вопросам, вне институтов³¹.

По существу конечно и записка — лишняя вещь в отношении АН, [...] где я мог бы приводить в порядок и описывать греческие рукописи [...] сама шла впереди всей русской работы. А может быть, 2) Относительно моих материалов и книг дело обстоит так, ее лучше писать тому лицу, которое само участвует в работе АН и по своим научным интересам близко примыкает в византийской эпохе: оно скажет именно то небольшое, что теперь было бы нужно, чтобы начать дело.

3) Относительно СНР

Ни на какое руководящее положение в указанной группе не претендую и не способен, ничего для себя не ожидаю и не желаю, кроме возможности работать в

²⁸ Это предложение вычеркнуто, однако следующее, не вычеркнутое, находится с ним в тесной связи.

²⁹ Здесь вычеркнуто: «и не скорое, и для меня лично, важнее всего, связанное только с моральным удовлетворением, едва притом полным».

³⁰ Здесь вычеркнуто: «а если Вы признаете его возможным, то я готов составить об этом особую записку. Возможность возбуждения вопроса вижу в том».

³¹ Здесь вычеркнуто: «Опасаться неудовлетворения Турции нет ни малейших оснований, т. к. германский институт в Константинополе основан с византиноведением на видном месте, и германские ученые имеют руководящее значение в разных областях историко-архивной работы; он с успехом занял место Русского Археологического Института уже теперь.

Прошу Вашей помощи по следующим делам: 1) Относительно места: хотя бы сторожем при Рукописном Отделе БАН».

сколькo-нибудь сносных условиях моральных и материальных. Жить и работать в какой-то пустоте, в атмосфере глубокого равнодушия, недоверия и неуважения к своей работе со стороны общест­венности, значит, чувствовать себя заживо погребенным; так я себя и чувствую.

СПбФ АРАН. Ф. 192. Оп. 2. Д. 3. Л. 2–3.

© Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН)

№ 4

В.Н. Бенешевич — В.П. Волгину

Автограф. Фиолетовые чернила на бланке Правителя дел Учебного комитета при Святейшем синоде. Синим карандашом поверх текста: «Не послано, чтобы не повредить человеку».

Глубокоуважаемый Вячеслав Петрович,

Решаюсь обратиться к Вам с покорнейшей просьбой по делу, которое чрезвычайно угнетает меня, так как я оказался невольным виновником большой неприятности, постигшей В.К. Путилова³² как раз за то, что помогло найти жизненно необходимые мне для продолжения моих византиноведческих работ книги.

В деле разыскания моих книг управление БАН делает согласно Вашему распоряжению все возможное, и я с глубокой благодарностью наблюдаю результаты всех усилий. К сожалению, до сих пор не удалось найти очень много книг, особенно важных для успеха работы потому, что на некоторых сделаны мною сличения с греческими рукописями во время поездок за границу, а многие важны своим подбором по темам (напр., о договорах Руси с греками и церковных памятниках права). Разыскивать их в море БАН крайне трудно. И вот в последний раз И.И. Яковкин³³ указал В.К. Путилову в моем присутствии на необходимость как-то энергичнее двинуть дело, и я понял из дальнейшего разговора, что мне самому необходимо посмотреть найденную В.К. Путиловым кучу каких-то фолиантов. Так, очевидно, понял и В.К. Путилов свою задачу, потому что пригласил меня посмотреть эту кучу и кстaти другое место, где он предполагал тоже мои книги. Если бы я не был уверен, что иду в магазин³⁴ БАН с ведома директора, то, конечно, не пошел бы, и теперь чувствую себя виновным в том, что не понял надлежащим образом слов директора и подвел этим В.К. Путилова.

Не могу не признать правильность действий управления БАН; поэтому и обращаюсь прямо к Вам с просьбой как-нибудь посодействовать справедливости с той стороны, которая должна была остаться вне поля зрения управления. Ведь, в сущности, для такого старательного работника, каким мне представляется В.К. Путилов, одна уже угроза взыскания оказала бы надлежащее действие.

³² Путилов, Виктор Константинович (1892–1941) — историк, источниковед, в 1929–1934 гг. — старший библиотекарь БАН СССР.

³³ Яковкин, Иннокентий Иванович (1881–1949) — историк, библиограф, в 1930–1949 гг. — директор БАН СССР.

³⁴ Имеются в виду фонды библиотеки. Понятием «магазин» в первой трети XX в. часто определяли музейно-библиотечные фонды как помещения хранения.

Пишу Вам свою просьбу, не сказав никому ни слова, и вообще ни о чем никому не буду говорить, т. к. отлично понимаю эксцентричность моего ходатайства. Но все дело в том, что я сам очень виноват.

Глубоко уважающий Вас

[Подпись]

19.01.1934.

СПбФ АРАН. Ф. 192. Оп. 2. Д. 3. Л. 4–4об.

© Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН)

№ 5

В.Н. Бенешевич — В.П. Волгину

Автограф. Простой карандаш, двойная правка — карандашом и чернилами.
На обороте — греческий текст.

22.5.1935.

Глубокоуважаемый Вячеслав Петрович,

Кажется, в октябре 1934 г. я обратился в Местком АН с просьбой о предоставлении мне жилплощади из состава помещений, освободившейся при переезде АН в Москву. Местком переслал мое заявление в Москву, в правительственную комиссию, и тем похоронил его. В декабре 1934 г. мне было сообщено с Ваших слов деканом исторического факультета ЛГУ, что Вы дали распоряжение т. Альтеру³⁵ насчет жилплощади для меня, но т. Альтер заявил мне, что никакого распоряжения от Вас не получал; он обещал при ближайшей поездке в Москву спросить Вас об этом, но ничего не сделал. Все мои обращения в за помощью в ЛГУ, в Секции Научных Работников и в КСУ³⁶ здесь и в Москве остались безрезультатными.

Между тем мне приходится жить и работать в очень тягостных условиях: 4 человека в 1 комнате, причем нет спокойствия от других жильцов по квартире; кроме того, нет возможности перевезти необходимые для моей работы мои книги и материалы. Работа же на мне лежит громадная, и в ней заинтересованы широкие научные круги Европы; даже признано, что эти работы в настоящее время я один могу исполнить. В СССР византиноведение должно возродиться, и я тут должен принять самое энергичное участие, как один из очень немногих ныне в СССР специалистов, тем более, что в глазах Западной Европы византиноведение в СССР признано как бы несуществующим. Таким образом моя работа служить не только на пользу, но и на славу исторической науки в СССР.

Поэтому еще раз прошу Вас прийти мне на помощь и могу указать, что в доме АН на Васильевском Острове 7 линия, 2, стоит свободной маленькая квартира № 6 из 2 комнат около 36 кв. м с кухней. Эта квартира была бы для меня с

³⁵ Вероятно, начальник ленинградского Административно-хозяйственного управления (ЛАХУ) АН СССР Д.Б. Альтер. См.: Архив РАН. Ф. 411. Оп. 6. Д. 86. Арестован в 1936 г., расстрелян в 1937 г.

³⁶ Комиссия по содействию ученым.

женой очень подходящей. Конечно, пришлось бы жить отдельно от сыновей, которые остались бы в своей, занимаемой ныне всеми нами, комнате. Может быть, впрочем, окажется помещение и в другом месте: мне важно только то, чтобы создать элементарные необходимые условия для научной работы. Т. Альтер и т. Бельский³⁷ заявляют, что для них необходимо иметь Ваше распоряжение относительно какой-нибудь из квартир.

Прошу Вас не оставить это мое обращение без ответа, т. к. я измучен бесполезными оттяжками времени, ожиданиями, перекидыванием меня от одного учреждения к другому. Если вы, т. е. АН, не можете для меня ничего сделать, то я, пока живу для науки, все же не оставляю своих хлопот, т. к. не может быть, чтобы в СССР научный работник находился в наилучших условиях для работы³⁸.

С глубоким уважением

[Подпись]

СПбФ АРАН. Ф. 192. Оп. 2. Д. 3. Л. 5–6.

© Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН)

№ 6

В.Н. Бенешевич — В.И. Вернадскому

Автограф, чернила

25.XII.1936.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович,

Пишу Вам с большими колебаниями, но считаю, что должен написать, чтобы как-нибудь потом совесть меня не заела. Дело в том, что мой Гога³⁹ долго работал у В.Л. Мысовского с большим воодушевлением к предмету, но все более или более жаловался на равнодушие к делу и неосведомленность Мысовского теоретическую и практическую. Когда, наконец, Мысовский заставил Гогу уйти с работы, не давши 2-недельного отпуска для окончания дипломной работы к 1 декабря, без которой нельзя было кончить университет, то Гога этому обрадовался. Теперь он до 1 января приглашен на работу В.Н. Рукавишниковым для подготовки к проверке построенной Рукавишниковым камеры.

Меня беспокоит то, что у сотрудников Мысовского сложилось о нем крайне неблагоприятное мнение как о научном работнике: он дела не понимает, руководить и научить не может, сам ни к чему не способен, ленив, безучастен, редко бывает в лаборатории. Никак не может быть получен удовлетворительный результат от работы такого специалиста; но этот человек не унывает и принимает меры к тому, чтобы приготовиться к Вашему приезду сюда и попытаться втереть

³⁷ Вероятно, Бельский, Леонид Сергеевич — административно-хозяйственный работник ЛАХУ. См.: Архив РАН. Ф. 411. Оп. 6. Д. 273.

³⁸ Здесь вычеркнуто: «Разве только вот если буду убит для науки, тогда успокоюсь: вопреки всем стараниям и заявлениям и советской власти и АН».

³⁹ Бенешевич, Георгий Владимирович (1911–1938) — сын В.Н. Бенешевича, геоботаник. Арестован 6 сентября 1937 г., осужден — 28 декабря 1937 г., расстрелян 5 января 1938 г. См. письмо Г.В. Бенешевича В.И. Вернадскому от 2 марта 1937 г., посвященное профессиональным вопросам (Архив РАН. Ф. 513. Оп. 3. Д. 124. Л. 1–1 об.).

Вам очки, как в этом уверены сотрудники его ближайшие. Вот это меня и беспокоит, и я считаю долгом предупредить Вас, так как уверен, что Гога зря человека не станет чернить, да и Рукавишников, судя по отзывам Гоги, человек очень корректный и осторожный. Самое лучшее, расспросите их обоих сами.

Сейчас иду на диспут Е.Э. Лифшиц⁴⁰ в качестве оппонента на кандидатской диссертации «Земледельческий закон и сельская община в Византии VI–VIII веков». Работа со всячинкой, но степени достойна.

Надежду Эрастовну⁴¹ видел давно, недели две тому назад, она была молодцом.

Очень я Вам благодарен за то, что Вы меня направили к О.А. Крауш⁴²: на редкость сердечный и деловой человек.

Мы по-прежнему все четверо в одной комнате, но как будто есть надежда на улучшение с весны; тогда я жил бы недалеко от Надежды Эрастовны. Не найдете ли возможным поддержать меня перед Иваном Васильевичем Зубовым⁴³, которому я уже написал?

Жена моя и я шлем глубокоуважаемой Наталье Егоровне и Вам сердечный привет и наилучшие пожелания к новому году.

Искренне преданный Вам,

В. Бенешевич.

Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 123. Л. 1–2 об.

⁴⁰ Надо — Липшиц. Об этом см.: *Медведев И.П.* В.Н. Бенешевич: судьба ученого... С. 356. Однако там дата защиты указана как 3 декабря 1936 г. Отзыв Бенешевича о работе: СПбФ АРАН. Ф. 192. Оп. 3. Д. 62. Л. 336–357. Опубликовано в: *Медведев И.П.* Урок Бенешевича // Византийские очерки. М., 1996. С. 187–205.

⁴¹ Успенская, Надежда Эрастовна (урожд. Ващенко; 1862–1942) — вдова академика Ф.И. Успенского.

⁴² Крауш, Ольга Александровна (1902–1942) — как следует из ее личного дела, после окончания школы второй ступени (4 класса) в 1919 г. поступила в I-й МГУ, с 29.X.1918 по 10.X.1922 — «служила в Военном ведомстве в качестве сотрудника канцелярии I ВХУ», последовательно: начальник отделения, секретарь, затем — стенографистка в различных департаментах РККА и ВВКУ (Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 596. Оп. 1. Д. 449. Л. 4, 6), как следует из Личного листка студента (Л. 4), в 1923 г. по направлению Московского отдела Союза соавработников поступила в Высший литературно-художественный институт имени В.Я. Брюсова, однако ввиду болезни, наличия маленького ребенка и необходимости «усиленной работы» 25 сентября 1924 г. подала заявление об отчислении по собственному желанию (Л. 1). В зачетной книжке (Л. 3) и академическом листе (Л. 9) нет ни одной записи о сданных предметах. В конце 1920-х гг. — гражданская жена А.Е. Ферсмана (в письмах за 1928 г. В.И. Вернадский передает привет от своей семьи А.Е. Ферсману и О.А.). Ученица А.А. Фреймана и Э.А. Бертельса в Ленинградском историко-лингвистическом институте (1929–1932), востоковед-иранист, управляющий делами и ученый секретарь Таджикско-Памирской экспедиции (1932–1934), заместитель ученого секретаря БАН (1935–1936), в январе — июне 1936 г. — личный секретарь неперменного секретаря АН СССР академика Н.П. Горбунова, в 1938 г. — сотрудник Государственного Эрмитажа, с 1939 — м.н.с. ИВ РАН. В Москве проживала по адресу: ул. Воровского, д. 20, кв. 20. В разных документах в личном деле обозначала национальность то как «русская (великоросс)», то как «саксонка».

⁴³ Управляющий делами АН СССР.

Автограф, чернила

12.VII.1937.

Глубокоуважаемый Владимир Леонтьевич,

Прошу Вас принять от меня и представить Академии наук прилагаемый экземпляр I тома одного из моих больших трудов, завершающих мою почти 39-летнюю работу по изучению памятников византийского, древнеславянского и древнерусского права⁴⁴. С 1900 по 1928 г. эта работа совершалась мною при энергичном содействии АН в тесном общении с членами ее Н.Я. Марром, А.А. Шахматовым, П.В. Никитиным, Ф.И. Успенским и др. Поэтому теперь к чувству удовлетворения по поводу выхода в свет начала весьма трудной и для науки очень важной работы у меня примешивается печаль по поводу того, что работа вышла не в СССР. Мои старания добиться этого остались безуспешными, как я говорю об этом в предисловии I тома; тут сказалоcь во всем объеме вредоносное влияние М.Н. Покровского, погубившего в АН византиноведение с корнем.

Успешное выполнение I тома прилагаемой работы и все, что в ней есть ценного, я отношу, главным образом на долю помощи, оказанной мне АН своевременно и щедро. И я был бы счастлив, если бы мне удалось получить помощь АН для опубликования нескольких трудов, еще более важных и трудных, чем начатый мною в виде прилагаемого I тома. Мне уже 63 года и, хотя душевно я так же бодр, как был в 1905 г., когда мы вместе с Вами участвовали в университетских делах, а все же надо спешить и силы надо расходовать с расчетом, чтобы успеть сделать побольше полезного. И мое заветное желание заключается в том, чтобы содействовать насаждению советского византиноведения, способного двинуть ценные материалы на пользу великих начинаний АН в области истории.

С глубоким уважением и искренней преданностью

В. Бенешевич.

Владимир Леонтьевич, книгу надлежит направить в БАН⁴⁵.

Архив РАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 310. Л. 1–2.

Автограф, чернила

15.X.1937.

Глубокоуважаемый Дмитрий Моисеевич,

Был я в Наркомпросе, комн. 335, у т. Воробьева, который меня внимательно и с интересом выслушал; дал я ему заявление и экземпляр издания, в котором

⁴⁴ Имеется в виду издание: Ioannis Scholastici Synagoga L. titulorum ceteraque ejusdem opera juridica jussu ac mandato Academiae scientiarum Bavaricae edidit Vladimirus Benešević. T. 1. München, 1937.

Публикация его в нацистской Германии и стала формальным поводом для начала последнего акта травли ученого, закончившегося его расстрелом.

⁴⁵ Имеется в виду Библиотека Академии наук.

обратил его внимание на предисловие, т. к. переводят вкривь и вкось, он сейчас же понес книгу кому-то для верного перевода.

Был в Президиуме АН, но, к сожалению, Г.М. Кржижановского⁴⁶ не видел, так как он еще не вступил в действие после отпуска. Разговор с А.М. Дебориным⁴⁷ был противный: намеки, запугивания, а все от того, что сам запуган. Кончилось тем, что я резюмировал: буду ждать указаний Президиума, которые исполню. В сущности, дело просто: так как в Мюнхене мною не дано ничего для II–IV томов, то вопрос о прекращении издания решается сам собой, если не пришло ничего! А как хорошо было бы, если бы АН стала на широкий взгляд: мне бы нагоняй за нарушение дисциплины, а сама заявила бы, что берет на себя II–IV тома! Тогда все [...] были бы срезаны в корень. А теперь у них будет выигрыш: станут писать, что Бенешевича за I том вот что постигло, а сами советчики не способны ни одного тома выпустить! Наши будут злиться на меня, а сами виноваты: Ягода и К^о посадили меня в 1928–1933 г. и создали обо мне определенную атмосферу!

Боюсь, что кончится мое византиноведение в Академии наук, не начавшись! Вопрос о кабинете византиноведения еще должен пойти в Президиум на утверждение, Лукин⁴⁸ какой-то ни рыба, ни мясо. Толку не видно. Он мне рекомендовал составить письмо в Баварскую АН о прекращении издания и показать Деборину; я это сделал, а Деборин сказал, что это его не касается, что я в Баварскую АН напишу. Вот и угодите им!

Я в заявлении в Наркомпрос настаивал на том, что моя работа — большое научное достижение советского ученого и забота о человеке ко мне максимально должна быть проявлена.

С глубоким уважением,

В. Бенешевич.

В ЦК ВКП(б) дальше передней не пустили.

Архив РАН. Ф. 493. Оп. 3. Д. 19. Л. 1–2 об.

№ 9

В.Н. Бенешевич — В.Л. Комарову, В.И. Вернадскому

Автограф, чернила

8.XI.1937.

Глубокоуважаемый Владимир Леонтьевич,

Прошу Вас представить прилагаемое заявление общему собранию и не отказать в Вашем содействии к пересмотру решения Президиума Академии наук. Я

⁴⁶ Кржижановский, Глеб Максимилианович (1872–1959) — революционер, один из авторов Плана ГОЭЛРО, с 1929 г. — академик АН СССР, в 1929–1939 гг. — вице-президент АН СССР.

⁴⁷ Деборин, Абрам Моисеевич (1881–1963) — философ, с 1929 г. — академик АН СССР, в 1935–1945 гг. — член президиума АН СССР.

⁴⁸ Лукин, Николай Михайлович (1885–1940) — историк, с 1929 г. — академик АН СССР, директор Института истории Коммунистической академии (1932–1936), директор Института истории АН СССР (1936–1937), к нему в 1936 г. Бенешевич обращался с предложениями о возрождении институциональной структуры византиноведения в СССР. См.: Сашинов В.В. В.Н. Бенешевич и его проекты... С. 289, 291–292.

глубоко потрясен несправедливостью и жестокостью кары за такой проступок, который совершен мной не по злокозненности, а по увлечению научной работой, и при том я считал, что моя работа свидетельствует о жизнеспособности научных традиций СССР в области византиноведения, что тем самым она служит славе советской науки. Из прилагаемого анонса о выходе моей книги видно, что я не ошибся в оценке своего выступления. Laurent как раз и видит в нем верное предвещие предстоящего возрождения византиноведения в СССР.

Что я совершил грубую политическую ошибку, об этом я глубоко сожалею и стремлюсь делом загладить ее. Но за такую ошибку у АН нет оснований убивать меня, как ученого и гражданина и разрушать мою 40-летнюю работу, когда я могу и горячо желаю работать для развития советского византиноведения, и когда для этого людей у нас так мало. АН через свой Институт Истории уже поставило дело восстановления византиноведения, как свою очередную задачу в интересах истории СССР и всемирной истории. Собранные мною материалы и обработка их мною могли бы в моих руках наилучшим образом послужить развитию этого дела, которое для меня является смыслом всей моей жизни.

Глубоко уважающий Вас
В. Бенешевич.

Архив РАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 310. Л. 3–3 об.

Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 123. Л. 6–6 об.

№ 10

В.Н. Бенешевич — В.И. Вернадскому

Автограф, чернила

9.XI.1937.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович,

Ваше письмо чрезвычайно меня и Людмилу Фаддеевну утешило и морально поддержало. Опасность все же висит над нами и заставляет бороться с нею во имя защиты научных ценностей и благоразумия. Я писал в Президиум и Н.М. Лукину о том, что нельзя рубить с плеча, что надо быть осторожным ради охраны научных интересов Академии наук и страны, но, очевидно, что Президиуму ничего не было доложено в надлежащем смысле секретарем ООН. Поэтому еще до получения Вашего письма я составил заявление в Общее собрание Академии наук и теперь посылаю его В.Л. Комарову с письмом; копии обоих документов считаю долгом приложить здесь ввиду того, что Вы послали Владимиру Леонтьевичу мое письмо к Вам. Только одному Вам пока сообщаю копии документов Общему собранию, так как не исключена возможность, что Владимир Леонтьевич ответит о ненужности моего заявления ввиду уже наметившегося в Президиуме перелома в сторону справедливости и соблюдении принципов науки. Я был бы счастлив, если бы Академия наук дала мне взбучку, но одновременно заявила, что берет на себя издание II тома моего труда: этот жест заградил бы уста всяким враждебным выступлениям за границей, которые должны возникнуть в связи с заметкой в Известиях от 26.X.⁴⁹ И по существу это был бы блестящий шаг на

⁴⁹ Заметка «Антисоветский поступок чл.-корр. АН СССР В.Н. Бенешевича».

пути восстановления византиноведения. Ведь этот том содержал бы издание тех юридических сборников VI века, которыми Моммзен, Крюгер⁵⁰ и другие пользовались для восстановления критики Кодекса, Дигест и Новелл Юстиниана; а теперь пришлось бы произвести очень трудную работу, достойную Моммзена по восстановлению текста этих сборников.

Надо знать, что за 400 лет изучения памятников византийского права и даже в последние 100 лет величайшими исследователями в нашей области работа эта еще не проделана, но она насущно необходима. Вот был бы шаг к славе советской науки, если бы сделать такое издание! Мое предисловие к I тому дает нашей АН все права на выступление в указываемом мною смысле! Саму задачу можно было бы формулировать не в виде II тома, а как самостоятельную. Политическая важность дела ясна. Но где те глаза, которые ее определяют! Скоро можно подготовить целую эскадрилью летчиков к героическому походу, и перед расходами никто не задумается, а для такой работы, какая у меня на руках, требуется времени много, а героизма не видать простому глазу. Расходы, конечно, окупились бы в валюте, так как для 200–300 экземпляров сбыт сразу обеспечен. Но... Одним словом, фантазия моя безнадежна!

Сердечный привет от нас обоих глубокоуважаемой Наталье Егоровне.

P.S. Если бы Вы нашли нужным направить Владимиру Леонтьевичу это письмо, то я не против, так как хо<...> в том же духе.

Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 123. Л. 4–5 об.

№ 11

В.Н. Бенешевич — Д.М. Петрушевскому

Автограф, чернила

10.XI.37.

Глубокоуважаемый Дмитрий Моисеевич,

Ваше письмо пришло⁵¹ одновременно с письмом другого сердечно уважаемого мною лица, и оба выражают твердую уверенность в том, что вся эта переживаемая мною мгла рассеется. Радость мне от обоих писем была и есть глубочайшая. Все хотел Вам ответить поскорее, да как возьму Ваше письмо и начну его читать, то и начинаю плакать от обиды страшной! Не могу ни понять, ни перенести, что Академия наук за издание добросовестного труда, посвященного памятнику первостепенной важности и вызывающее уважение ученого мира к советскому работнику, убивает меня мучительнейшей смертью вместо того, чтобы дать полную возможность работать на пользу и на славу родины! Живу теперь с женой, как в камере смертников. Ведь подумать только: два сына мои и брат сидят в тюрьме с начала сентября, ни в чем неповинные, энтузиасты и талантливые люди в работе; с меня и жены взята подписка о невыезде, предвещающая высылку; службы никакой нет; руки опускаются, никуда не выхожу, чтобы не

⁵⁰ Имеются в виду немецкие ученые-антиковеды Теодор Моммзен (1817–1903) и Пауль Крюгер (1840–1926).

⁵¹ Письмо Петрушевского от 4 ноября 1937 г. было получено Бенешевичем 6 ноября. Публикация: *Медведев И.П.* Петербургское византиноведение. С. 291–292.

встретить никого, и дома никого не вижу. Написал я заявление в Общее собрание АН и послал В.Л. Комарову с письмом. Будет ли оно прочитано в Общем собрании? И сомневаюсь, чтобы Общее собрание пошло против Президиума. А изменит ли Президиум свое решение? У меня надежды на это нет, так как со стороны академиков не будет проявлено такого интереса к делу, который побудил бы Президиум к вдумчивости. Впрочем, напрасно это я говорю: может быть, уже и проявили! Ну, для меня облегчения нет. Прощаюсь со своими драгоценными материалами и книгами, не могу оторваться от них, сдам их перед самой высылкой. Целый институт византиноведения можно было бы на них построить! Не на мне будет лежать позор за то, что все окажется втуне лежащим, а я жалею, что у меня только одна жизнь: за II, III и IV тома своего труда и ряд больших задуманных работ я бы отдал двадцать жизней, потому что слава советской науки была бы обеспечена в области византиноведения. Надо гнать эти мысли, да я и отучаюсь от них, как это ни трудно.

Глубоко уважающий Вас

В. Бенешевич.

Архив РАН. Ф. 493. Оп. 3. Д. 19. Л. 4–4 об.

№ 12

В.Н. Бенешевич — Д.М. Петрушевскому

Машинопись, рукописные вставки

[17.XI.37.]

Академику Д.М. Петрушевскому

Президиум АН в заседании 24 октября с. г. решил внести в Общее собрание предложение о лишении меня звания члена-корреспондента АН за тяжкое преступление против советской власти, выразившееся в издании I т. «Синагоги в 50 титулах» в Мюнхене и в сношениях с германскими фашистами. Узнав об этом решении только из заметки в «Известиях» от 26 октября и не имея возможности защищаться ни в печати, ни лично, считаю долгом письменно представить Вам, Дмитрий Моисеевич, ряд существенных для выяснения дела фактов и соображений.

Президиум берет голый факт издания мною книги в Баварской Академии Наук только как проявление моей злокозненности. На самом деле изданию предшествовали долгие годы (с 1900 г.) упорного и успешного труда по собиранию фактов и обработке материалов, разбросанных по всему свету, и упорные старания продвинуть издание книги в России (с 1912 г.) и СССР, вплоть до 1933 г., и лишь поставленный перед альтернативой или не увидеть ее вовсе напечатанной, или издать в Баварской АН, я решился на второй, поддерживаемый в этом горячим советом Н.Я. Марра. С конца 1933 г. до начала 1937 г. почта беспрепятственно пересылала оригинал и корректуры издания, о котором я сообщал в отчетах кафедры истории средних веков исторического факультета ЛГУ; ни разу ниоткуда не было указаний на недопустимость или предосудительность моих действий. Даже, когда 12 июля я послал книгу Президенту Академии наук с личным письмом, где выражал печаль по поводу изда-

ния книги в Баварской Академии наук, а не в СССР, то в ответ получил спокойную благодарность Академии наук от 3 августа за присылку книги, подписанную членом Президиума академиком А.А. Борисяком. И только 10 октября обрушилось на меня гонение со стороны общего собрания кафедры средних веков⁵², о котором я же сам сообщил 11 октября в Президиум АН, и тогда Президиум решил добить меня, отняв у меня всякую возможность работы и существования.

Ни в каких связях с фашистами какими бы то ни было я не состоял и не состою. Единственный германский ученый, с которым я переписывался относительно издания, — это Эд. Шварц, которого я знаю 25 лет; едва ли даже он фашист, особенно, если он, как говорят, еврей: во всяком случае, переписка никогда не касалась никаких политических вопросов, речь всегда шла об одном только издании, самая инициатива которого в 1912 г. принадлежала Шварцу. Делать из этой переписки отдельно от издания преступление совершенно невозможно. Равным образом и переписка моя с другими учеными из Бельгии, Франции, Германии, Италии, Греции, Турции далека от фашизма: они присылали свои труды, спрашивали советов и указания, просили помощи в осведомлении о выходящих в СССР книгах и высылке их.

Сама моя работа не является ни в какой степени интересной для фашизма, или реакционной, или мракобесной в смысле поддержки поповщины: она — враждебна поповщине и мракобесию, так как содействует разрушению основ канонического права церкви и учения о единении церковной и светской власти в Византии, служивших опорой старого режима и в прежней России, и в других странах. Упоминание в газетной заметке о моей «реакционной контрреволюционной физиономии», моей «деятельности на поприще укрепления роли церкви и поповщины» и о моих «выступлениях против советской власти» есть не что иное, как голословные утверждения, избитые клеветнические формулы шельмования человека; они опровергаются и моей дореволюционной деятельностью, вызывавшей недоверие и вражду руководящих церковных кругов и лиц, и опытом всех личных и официальных сношений со мной, засвидетельствовавшим мою преданность советскому строю, прогрессивность, не только полное отсутствие связи с поповщиной, но и враждебность ей, антифашистские настроения и действия и т. д. Мракобес не я, а тот, кто на меня клеветает. Ведь он старается загасить очаг научной почти 40-летней работы. И аналогии с положением академика Лузина у меня нет, так как 1) раболепия перед Западной Европой я не проявлял, а сама западноевропейская наука старалась привлечь меня к работе, как общепризнанного специалиста, посвятившего 35–40 лет изучению и собиранию памятников византийского права, 2) свой труд я старался продвинуть, прежде всего, в России и СССР, но безуспешно.

Не тяжкое преступление против советской власти совершено мною через издание моей книги в Баварской АН, а грубая политическая ошибка, оправдывать которую нельзя никакими ссылками на прежние отказы и советы: ведь и Н.Я. Марр вовсе не предполагал, что я так безрассудно, не обратившись к АН, исполню его совет. Справедливо, чтобы я понес наказание за свою ошибку, однако

---

⁵² Публикацию протокола этого заседания кафедры см.: *Медведев И.П.* Петербургское византиноведение. С. 302–312.

не такое, которое равносильно убийству человека для научной работы, но мучительнее смертной казни. АН должна притом считаться и с тем, что мое издание есть и результат и начало громадного научного подвига, чрезвычайно важного для изучения истории в СССР и вызванного к жизни действительно самой же АН в 1900–1912 и в 1927 гг.

Вот те факты и соображения, которые представляю Вам, Дмитрий Моисеевич, для правильного объяснения и оценки моих действий.

В. Бенешевич.

17.XI.37.

Этот текст послан мною в Общее собрание АН 8 ноября.

Архив РАН. Ф. 493. Оп. 3. Д. 19. Л. 7–8⁵³.

№ 13

В.Н. Бенешевич — в Общее собрание АН СССР

Машинопись

Копия

В Общее собрание АН СССР

В дополнение к своему заявлению от 8 ноября считаю долгом представить краткую характеристику содержания и значения своего издания «Синагоги в 50 титулов», так как оно носит слишком специальный характер и нет возможности дать достаточное количество экземпляров его для ознакомления.

«Синагога в 50 титулов» есть составленный в половине VI в. антиохийским адвокатом (схоластиком) сборник канонов так называемых апостольских, 4 вселенских и 6 поместных соборов и Василия Великого, разбитых по содержанию на 50 глав или групп (титулов); к ним присоединено извлечение из новелл Юстиниана о церкви, разделенное на 87 глав, так называемый сборник 87 глав.

Весь мой труд представляет собой греческий текст с вариантами, примечания к нему и предисловие на латинском языке; рассчитан он на очень немногих читателей-специалистов, среди которых Эд. Шварцу, инициатору его, принадлежит первое место. Но изучать его будут многие, ни одна библиотека, сколь-нибудь значительная без него не обойдется. Это потому, что за более, чем 4 века научного обследования памятников византийского права, мною впервые дано филологически надежное и исторически ценное издание текста канонов «Синагоги в 50 титулов». И только потому, что оно — научное, оно и антицерковное, так как показывает, что текст канонов изменялся и притом очень существенно; можно указать и причины этих изменений, коренящиеся в борьбе внутри самой церкви и борьбе ее с государством, отражающей громадные перемены в экономической, общественной и государственной жизни Византии

⁵³ Без последней фразы этот же текст был послан академику В.И. Вернадскому (Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 123. Л. 7–8).

X–XV вв. Византийская церковность теряет то значение нормы, которое приписывалось ей старым режимом; из иконописного образ Византии становится жизненным, полным движения. И нельзя еще не отметить, что только благодаря моему изданию можно будет приступить к изучению вопроса о славянском переводе «Синагоги» IX века с новой точки зрения, свободной от церковных предрассудков в отношении одного из важнейших моментов в истории культуры славян.

Борьба за научные методы в той области, где церковные круги имели за собой все выгоды положения, воодушевляла меня с самого начала моего исследовательского пути, и я уверен, что, как советский ученый, я должен стоять на этом же пути и встречать поощрение и содействие; притом людей, способных продолжить мое дело или хотя бы даже использовать собранные мною драгоценные материалы греческие, славянские, грузинские, сирийские с надлежащей широтой охвата, я не знаю, а говорят, будто их и нет даже в СССР и в Западной Европе. При старом режиме мое издание едва ли могло бы появиться, как это видно из враждебного отношения церковных кругов к моим исследованиям о сборниках 50 и 14 титулов и из той бучи, которая была поднята против меня синодским ученым «Новым временем» и К^о за указание мною фальсификации Синодом «Духовного Регламента», подписанного Петром I.

В. Бенешевич
Член-корреспондент АН СССР.

18.XI.1937.

Архив РАН. Ф. 493. Оп. 3. Д. 19. Л. 9–9 об⁵⁴.

№ 14

В.Н. Бенешевич — Д.М. Петрушевскому

Автограф, чернила

18.XI.37.

Глубокоуважаемый Дмитрий Моисеевич,

Боюсь, не будет ли что-нибудь сделано против меня на заседании ООН⁵⁵: повестки мне не прислано, как будто я уже не член. Всего можно ожидать от людей, потерявших стыд и совесть. Заочно осуждают! А если бы про какое-нибудь новое растение сказали, что оно ядовито, то сколько труда положили бы на исследование вопроса!

Ваш В. Бенешевич.

Архив РАН. Ф. 493. Оп. 3. Д. 19. Л. 6–6 об.

⁵⁴ Этот же текст был послан академику В.И. Вернадскому (Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 123. Л. 9–9 об.).

⁵⁵ Отделение общественных наук АН СССР.

№ 15
В.Н. Бенешевич — В.Л. Комарову

Автограф, чернила

22.XI.1937.

Глубокоуважаемый Владимир Леонтьевич,

Прошу Вас исправить мою ошибку и направить мое заявление в Общее собрание Академии наук от 8 ноября на имя Президиума АН или даже просто считать его несуществующим. Я имел в виду только представить факты и соображения для понимания моего образа действий, но не выступать в Общем собрании против Президиума. Бестактность в направлении заявления не в Президиум была мною осознана несколько дней тому назад. И я хотел просить Вас исправить мою ошибку, но думал, что Вы и Президиум отнесетесь снисходительно к моей неловкости, объясняемой тяжелым моим душевным состоянием.

С глубоким уважением,

В. Бенешевич.

Архив РАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 310. Л. 4–4 об.

№ 16
В.Н. Бенешевич — В.И. Вернадскому

Автограф, чернила

22.XI.1937.

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Иванович,

Вышло досадное недоразумение с моим обращением в Общее собрание АН СССР. Я его вовсе не понимал и не понимаю, как жалобу на Президиум Академии наук, а думал, что надо представить факты и соображения для оценки моего поведения в дополнение к сведениям Президиума. И я спросил Вас в предыдущем письме, не следует ли мне просить Владимира Леонтьевича направить мое заявление только и прямо в Президиум.

Прошу Вас представить Владимиру Леонтьевичу мои намерения в том виде, как они были мной задуманы, без всякого желания выступить против Президиума на Общем Собрании. Я с самого начала ясно понимал, что было бы неразумно с моей стороны пытаться выступать против Президиума в Общем Собрании, но нужно дать Президиуму разъяснения: ведь через Президиум все идет на Общее собрание. И Владимиру Леонтьевичу я писал, посылал заявление, что, если он сочтет его излишним, то пусть не дает ходу.

Одновременно пишу и Владимиру Леонтьевичу просьбу не предоставлять мое заявление в Общее Собрание, а или обратиться в Президиум, или совсем отбросить.

Сердечно преданный Вам

В. Бенешевич.

P.S. Все-таки непонятно, неужели судьба человека может быть поставлена в зависимость от неуместности направления бумаги?

И от чего же Владимир Леонтьевич не ответил мне указанием на мою ошибку?

Очень прошу Вас позвонить к Владимиру Леонтьевичу или вообще его успокоить. Боюсь, однако, не есть ли тут простая отговорка, а решение стоит твердо... Никакой жалобы Президиума и помине не может быть.

В. Бенешевич.

Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 123. Л. 10–11.

АНАНЬЕВ Виталий Геннадьевич

Доктор культурологии
Старший преподаватель
Кафедра Музейного дела и охраны памятников
Институт философии
Санкт-Петербургский государственный
университет
Менделеевская линия, д. 5
199034 Санкт-Петербург
Электронная почта: v.ananьев@spbu.ru

БУХАРИН Михаил Дмитриевич

Доктор исторических наук
Академик РАН
Главный научный сотрудник
Институт всеобщей истории РАН
Ленинский проспект, 32а
119334 Москва

Электронная почта:
michabucha@gmail.com

VIZANTIYSKIY VREMENNİK. T. 103: 2019
ISSN 0132–3776

Vitaly ANANIEV, Mikhail BUKHARIN

**“THE REASON IS SAVAGE HATRED
AGAINST THE STUDY OF BYZANTIUM...”:
V.N. BENESHEVICH AND THE ACADEMY OF SCIENCES
OF THE USSR IN 1933–37**

Abstract: V.N. Beneshevich was a tragic figure in the history of the Russian scholarship. A scholar of Byzantine studies of an international level, he was repeatedly exposed to repressions in the 1920th–30th and was virtually unable to implement the plans for promoting the Byzantine studies in the USSR. In 1933 Beneshevich tried to return to scholastic activity, as he worked out plans for promoting the Byzantine studies in the USSR and tried to adapt them to the predominant course of scientific policy. In the meantime, he quite understood that the preservation of the Byzantine studies in the USSR could only be achieved through flexibility in the relations with the state and respect for the main principles of scientific activity. Beneshevich repeatedly addressed the leaders of the Soviet academic science — V.P. Volgin and N.P. Gorbunov, appealed to the General Sessions of the Academy, looked for support from his colleagues — D.M. Petrushevskiy and V.I. Vernadskiy. However, as the documents first published in this article demonstrate, he found no understanding and

his colleagues could not help him. The fate of V.N. Beneshevich in many respects reflected the fate of the whole Byzantine studies during the interwar period.

Keywords: Byzantine studies, V.N. Beneshevich, correspondence, science history.

Literature Cited

- Akademicheskoe delo 1929–1931 gg.: dokumenty i materialy sledstvennogo dela, sfabrikovannogo OGPU. [The Academic Case of 1929–1931: Documents and Materials of Investigative Case Fabricated by OGPU].* Issue 1. Saint-Petersburg: Library of the Russian Academy of Sciences, 1993 (in Russian)
- Barynina O.A. *Otechestvennoe vizantinovedenie na rubezhe epokh: Russko-vizantijskaya komissiya (1918–1930 gg.) [The Soviet Byzantine Studies on the Threshold of the Epochs. Russian-Byzantine Commission (1918–1930)].* Saint-Petersburg: Izdatel'skiy dom Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2010 (in Russian)
- Chumakova, T.V. “Dokumenty po istorii obnovlencheskogo dvizheniya v arhive V.N. Beneshevicha [Documents on the History of the Obnovlentsy (Renewal) Movement in the Archive of V.N. Beneshevich].” In *Trudy Gosudarstvennogo muzeya istorii religii.* Issue 18. Saint-Petersburg, 2018. P. 187–194 (in Russian).
- Chumakova, T.V. “Religioznaya zhizn' v revolyucionnoj Rossii (po materialam arkhiva V.N. Beneshevicha) [Religious Life in Revolutionary Russia (According to the Archive of V.N. Beneshevich)].” *Folia Petropolitana* 6 (2017). P. 57–70 (in Russian).
- Chumakova, T.V. “Vladimir N. Beneshevich on the Church and Revolution.” *Vestnik SPbSU. Philosophy and Conflict Studies* 33, issue 4 (2017). P. 414–424.
- Gerd, L.A., and Nikolov A. “O proekte uchastiya V.N. Beneshevicha v Sofijskom kongresse vizantinistov 1934 g. [About the Project of Participation of V.N. Beneshevich in Sofia Congress of Byzantinists 1934].” In *Rossijskoe vizantinovedenie. Tradicii i perspektivy: Tezisy dokladov XIX Vserossiyskoi nauchnoi sessii vizantinistov.* Moskva 27–29 yanvarya 2011. Moscow, 2011. P. 68–71 (in Russian)
- Gerd, L.A., and Nikolov, A. “Nado rabotat' dl'a budushchego: perepiska V.N. Beneshevicha s organizatorami IV Mezhdunarodnogo kongressa vizantijskih issledovanij v Sofii [“It is Necessary to Work for the Future”: Correspondence of V.N. Beneshevich with the Organizers of the 4th International Congress of Byzantine Studies in Sofia].” In *Vizantijskie ocherki. Trudy rossijskih uchenyh k XXII Mezhdunarodnomu kongressu vizantinistov.* Saint-Petersburg: Aleteia, 2011. P. 67–99 (in Russian)
- Kokovtsov P.K. “Dlia ustanovleniia istiny [For the Establishment of the Truth].” In *Kunstkamera. Etnograficheskie tetradi.* Issue 1. Saint-Petersburg, 1993. P. 151–156 (in Russian)
- Medvedev, I.P. “Neopublikovannye materialy V.N. Beneshevicha po istorii vizantinovedeniya [Unpublished Materials by V.N. Beneshevich on the History of Byzantine Studies].” In *Rukopisnoe nasledie russkikh vizantinistov v arhivah Sankt-Peterburga.* Saint-Petersburg, 1999. P. 574–611 (in Russian).
- Medvedev, I.P. “V.N. Beneshevich: sud'ba uchenogo, sud'ba arhiva [V.N. Beneshevich: The Fate of a Scientist, the Fate of an Archive].” In *Arhivy russkikh vizantinistov v Sankt-Peterburge.* Saint-Petersburg, 1995. P. 339–380 (in Russian)
- Medvedev, I.P. Nauchnoe tvorchestvo V.N. Beneshevicha v ocenke F.I. Uspenskogo [The Scientific Work of V.N. Beneshevich in the Assessment of F.I. Uspenskii].” In *Deiateli russkoi nauki XIX–XX vekov.* Vol. 2. Saint-Petersburg, 2001. P. 155–172 (in Russian).
- Medvedev, I.P. *Peterburgskoe vizantinovedenie. Stranitsi istorii [Byzantine Studies in St. Petersburg Byzantine Studies. Pages of History].* Saint-Petersburg: Aleteia, 2006 (in Russian).

- Sashanov, V.V. “V.N. Beneshevich i ego proekty vrozhdeniya otechestvennogo vizantinovedeniya v 1930-e gg. [V.N. Beneshevich and His Projects of the Renaissance of Domestic Byzantine Studies in the 1930s].” *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki* 4 2017. P. 288–293 (in Russian)
- Shchapov, Ya.N. “Iz istorii sovetskoj istoricheskoj nauki (professor V.N. Beneshevich v repressivnoi sisteme konca 1920–1930-h gg.) [From the History of Soviet Historical Science (Professor V.N. Beneshevich in the Repressive System of the Late 1920–1930s)].” In *Spornye voprosy otechestvennoi istorii XI–XVIII vv. Tezisy dokladov i soobshchenii, pervyh chtenii, posviashchennyh pamiati A.A. Zimina, Moskva, 13–18 maia*. Issue 2. Moscow, 1990. P. 306–309 (in Russian).
- Shchapov, Ya.N. “Polnyi tekst Avtobiografii V.N. Beneshevicha [Full Text of Autobiography of V.N. Beneshevich].” *Vizantiiskii vremennik* 64 (2005). P. 335–342 (in Russian).
- Shchapov, Ya.N. “Sborniki vizantiiskogo prava v issledovaniiah i izdaniiah prof. V. Beneshevicha [Collections of Byzantine Law in Research and Publications of Prof. V. Beneshevich].” *Klio* 61 (1979). P. 235–242 (in Russian).
- Tunkina, I.V. “Delo akademika S.A. Zhebelyova [The Case of Academician S.A. Zhebelev].” In *Drevnii mir i my: Klassicheskoe nasledie v Evrope i Rossii: Al'manah*. Issue 2. Saint-Petersburg, 2000. P. 116–161 (in Russian).
- Tunkina, I.V. “Otzyv S.A. Zhebelyova o D.V. Ainalove [Comments of S.A. Zhebelev on D.V. Ainalov].” In *Cerkovnaya arheologiya: Materialy pervoi Vserossiyskoi konferentsii. Pskov, 20–24 noyabrya 1995 g.* Part 3. Saint-Petersburg; Pskov, 1995. P. 67–73 (in Russian).
- Val’kova O.A. “Yazyk fundamental’noj nauki v Rossii [The Language of Fundamental Science in Russia].” In *Rossiyskaya akademiya nauk: 275 let sluzheniya Rossii*. Moscow: Yanus-K, 1999. P. 322–346 (in Russian).

Vitaly ANANIEV

Doctor of Cultural Studies
Senior lecturer
Institute of Philosophy
Saint-Petersburg State University

Mendeleev line, 5
199034 Saint-Petersburg, Russian Federation

e-mail: v.anan@spbu.ru

Mikhail BUKHARIN

Doctor of Sciences in History
Chief Researcher
Full Member
of the Russian Academy of Sciences
Institute of World History
of the Russian Academy of Sciences
Leninski prospect, 32a
119334 Moscow

e-mail: michabucha@gmail.com